

УДК 81
ББК 81

Р.Х. Туова

**ДЕТЕКТИВНЫЙ
ТЕКСТ ПОСТМОДЕРНА:
ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ
ФЕНОМЕНЫ
КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ
МАРКЕРЫ
ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ**

Анализируются прецедентные феномены в семантическом пространстве детективного текста постмодерна. Классический детектив становится для постмодернистского текстом-прототипом, который трансформируется с помощью интертекстуальных включений. Игровая модальность, характерная для детективного текста постмодерна, детерминирует включение в его семантическое пространство прецедентных феноменов, которые становятся маркерами интертекстуальности и конкретной лингвокультуры.

Ключевые слова: *прецедентный феномен, постмодернистский текст, детективный текст, интертекстуальность, лингвокультурный маркер.*

DOI: 10.18522/1995-0640-2015-4-65-72

Туова Рузана Хамедовна – эксперт отдела научных исследований и инновационных программ Адыгейского государственного университета
Тел.: 8-918-922-20-73
E-mail: rose_tuova@mail.ru

Процесс интертекстуальности в координатах художественной словесности и культурном пространстве в целом обеспечивается функционированием прецедентных феноменов, особая витальность которых обнаруживается в тенденции к постоянному развитию, модифицированию.

Прецедентные феномены представляют собой материальные знаки интертекстуальности, а их сверхличностный характер обусловлен их широкой известностью личности и её окружения, включая ее предшественников и современников [Караулов, с. 216]. В.В. Красных указывает, что прецедентные феномены – целостная система, обуславливающая национальную маркированность коммуникации. Прецедентные феномены могут быть вербальными / вербализуемыми и невербальными (тексты различных видов искусств – живопись, скульптура, театр, музыка и пр.). Вербальные прецедентные феномены представлены в культурно-текстовом пространстве прецедентными именами и прецедентными высказываниями. Прецедентное имя – индивидуальное имя (Хлестаков, Манилов, Плюшкин), которое тесно связано с прецедентным текстом / прецедентной ситуацией; прецедентное высказывание предстает как самодостаточная коммуникативно воспроизводимая единица («Кто виноват?»). Прецедентные тексты («Мертвые души», «Отцы и дети») – феномены вербализуемые, законченные и самодостаточные продукты речемыслительной деятельности, основанием чего служит консервация таких текстов

© Туова Р.Х., 2015.

в памяти языковой личности в виде концептов, представлений, характеризующихся предельной компрессией художественной информации (сюжет, система персонажей и пр.) [Красных, с. 38 – 46].

Г.Г. Слышкин указывает, что прецедентные феномены могут быть исследованы с позиций формирования ими концептов в картине мира человека, что позволяет выявить ценностное отношение к прецедентному тексту. Такой вектор исследования даёт возможность установить вхождение прецедентного текста в систему ценностей личности (и/или группы людей) и его участие в формировании соответствующего концепта. Прецедентные тексты находятся на «стыке» языка и культуры, и в этом их уникальность. Прецедентный текст имеет ценность для конкретной культурной группы, что определяет его как культурный феномен, а его текстовые характеристики дают возможность исследовать его как явление языка [Слышкин, с. 28]. Важной категорией, позволяющей осмыслить когнитивную структуру и лингвокультурные маркеры художественного текста, являются также прецедентные феномены, без которых осуществление интертекстуальности как процесса невозможно.

Текстовые функции прецедентных феноменов в художественных текстах различны. Л.И. Гришаева рассматривает их с позиции информирования адресата:

- о системе основополагающих, максимально характерных для данной культуры ценностей;
- о мотивах деятельности;
- о наиболее характерных свойствах индивидуума;
- о типичных коммуникативных стратегиях при вербализации внеязыковой действительности и т. д. [Гришаева, с. 121].

Такой подход позволяет судить о принадлежности текста конкретной лингвокультуре и характеризовать историческую эпоху, персонаж и его речевой портрет, маркировать этноспецифику в её сущности, интенции продуцента художественного текста, обозначать кульминацию развития действия, осуществлять символизацию в художественном тексте, способствовать разрушению стереотипов и предубеждений, осуществлению эффективной межкультурной коммуникации [Там же].

Прецедентные феномены принадлежат разным семиотическим системам, а их декодирование происходит в системе языка (код), культуры (информация) и когниции. Как лингвокультурные сущности, прецедентные феномены манифестируют значимые компоненты национальной картины мира, во многом детерминируя продуцирование и восприятие художественных текстов.

Интересным в плане изучения роли прецедентных феноменов в структурировании семантического пространства текста является постмодернистский детективный текст. Если в классическом детективе законы жанра обуславливают и правила, по которым такое текстовое пространство продуцируется, детектив эпохи постмодерна последовательно нарушает жанровые каноны. Постмодернистский детектив опирается на классический как прототип, переосмысливая требования

данной жанровой модели, в том числе и посредством интертекстуальных включений. На наш взгляд, особой значимостью обладает здесь языковая игра, которая, в сущности, манифестирует отсутствие истинности, которое для классического и модернистского детектива облигаторно. Традиции жанра модифицируются в процессе реинтерпретации событийного ряда. Принципиально важными здесь оказываются пастиш и коллаж, которые представляют собой основные способы реализации интертекстуальности в эпоху постмодерна. Пастиш родственен пародии, отличаясь от нее нейтральным отношением к тексту-донору, не выделяющим в нем конкретных стилистических / аксиологических компонентов; коллаж позволяет организовать текст как соединение разнородных частей текстов (См.: [Можейко: эл.ресурс]).

Постмодернистские стилизации, пародии и пастиши апеллируют к прецедентным («сильным») текстам, которые актуализируют литературные мифы. В.Н. Топоров под «сильными» текстами понимает художественные и некоторые виды религиозно-философских и мистических текстов, которые продуцируют мифопоэтическое пространство [Топоров, с. 227 – 285]. Специфика литературных мифов состоит в том, что, «представляя собой культурный фонд, запечатленный в глубине коллективной памяти, они препятствуют любому однозначному определению их собственного смысла и всегда выходят за пределы тех значений, которыми их наделяет каждая эпоха; поэтому никакая конкретная исторически обусловленная интерпретация не в состоянии их исчерпать, и они всегда сохраняют предрасположенность к тому смыслу, который в них вкладывается в том или ином произведении» [Пьеге-Гро, с. 127]. «Нарращение смысла», характерное для функционирования литературных мифов, обусловлено углублением когнитивно-семантического потенциала прецедентных текстов, которые интерпретируются автором как читателем.

Текстами-донорами становятся традиционно относимые к высокой классике, причем пародированию подвергаются не конкретные тексты, но их совокупность, которая имеет устойчивые композиционные признаки и высокую степень стилистической клишированности. Данный корпус текстов назван Г.Г. Слышкиным прецедентными жанрами, которые обладают «сюжетно-композиционным и языковым сходством», узнаваемы и ценностно значимы для определенной языковой группы [Слышкин, с. 42]. В детективном тексте постмодерна прецедентные феномены обуславливают его структуру и, как следствие, оказывают влияние на рецептивно-интерпретативную деятельность читателя.

Для постмодернистского детективного текста характерна игровая модальность, которая способствует осуществлению принципа «двойной оптики»: читатель склонен трактовать такой текст как открытый, поскольку когнитивная модель оказывается размытой, предполагающей множественные интерпретации. Особую значимость в таком ракурсе приобретают модификации функций, реализуемых персонажами в де-

тективном сюжете, что в целом оказывается следствием эффекта «обманутого ожидания» [Завьялова, с. 118 – 123].

Прецедентные феномены характеризуются способностью образовывать концепты [Слышкин], что обеспечивает их вхождение в когнитивную базу этноса. Языковая личность фиксирует прецедентные феномены как фрейм-структуры сознания, которые продуцируются посредством клише / штампов как «пучков» предсказуемых валентных связей (слотов) [Красных]. В детективном тексте постмодерна прецедентные феномены подвергаются двойной трансформации – автор-интерпретатор определяет вектор восприятия продуцируемого текста посредством текста-донора, определяя, тем самым, доминанты читательской рецепции; читатель формирует новый текст в соответствии с собственными представлениями о тексте-доноре и авторским взглядом на него.

Детективный текст постмодерна предстает как активное взаимодействие канонов детективного жанра и детективного дискурса как коммуникации продуцента и реципиента, порождения и восприятия такого текста, основной целью которого становится развлечение читателя и вовлечение его в расследование преступления. Детективный дискурс позволяет продуценту нарушить законы жанра, так как когнитивные модели динамичны, в том числе и по причине вовлечения в их сферу прецедентных феноменов.

Высокая прецедентная плотность, которой характеризуется индивидуально-авторский стиль Б. Акунина, в целом отражает общую тенденцию, которой следуют постмодернистские тексты. Интертекстуальность становится их отличительной чертой, чему способствует присутствие в них на разных текстовых уровнях прецедентных феноменов (онимов, высказываний, текстов и ситуаций). Адекватная интерпретация детективных текстов Б. Акунина зачастую усложнена не только благодаря мастерски созданной и развертываемой в них детективной интриге, но и по причине включения в семантическое пространство текстов прецедентных феноменов как русской, так и иных культур. Данный факт детерминирует необходимость читательской компетентности, в том числе и в рамках межтекстового взаимодействия и культурной памяти. Помимо ставшего хрестоматийным тезиса о востребованности детективных текстов хорошего беллетристического уровня с позиций «чтения как формы отдыха» в отношении творчества Б. Акунина можно утверждать, что его детективы стремятся активизировать интеллектуальную деятельность читателя, провоцируя его в плане узнавания определенных культурных текстов (в широком смысле термина, по Ю. Бореву [Борев]). Игра стилей и жанров в его детективных романах сопровождается авторской игрой и рефлексией по поводу уже созданных текстов.

Эффект обманутого ожидания достигается посредством обращения к прецедентным жанрам, однако Б. Акунин вводит в тексты своих произведений и такие жанровые модели, которые могут быть неизвестны широкому читателю. Например, в романе «Весь мир – театр» глав-

ный герой Эраст Фандорин создает для любимой женщины – актрисы «пьесу для театра кукол» в традиционной для японского театра форме, на что указывает и авторский комментарий «с песнями, танцами, трюками, фехтовальными сценами и митиюки» [Акунин, 2010, с. 373]. Данный текст призван дать дополнительные ключи к разгадке преступления, с новой стороны характеризует персонажей, к тому же помещенных в новые этно- и лингвокультурные координаты, что, несомненно, углубляет когнитивно-прагматический потенциал данного детективного текста. «Наращение смысла» происходит не только в плоскости развития основного действия детектива, но и на уровне мистификации авторства: создает текст пьес персонаж детективного текста, к тому же обращение к японской культуре, к традиционному жанру японского театра создает метатекстовую отсылку в координатах корпуса текстов об Эрасте Фандорине – к роману «Алмазная колесница», в которой возлюбленная героя – также, как и в созданной им пьесе, «гейша высшего разряда», О-Юми.

Образ, заданный в заглавии пьесы, написанной Фандориным, – «Две кометы в беззвездном небе» – также отсылает читателя к роману «Алмазная колесница», в котором символика звезд играет одну из ключевых ролей. Так, например, финал каждой главы во втором томе романа «Алмазная колесница» представляет собой хокку, в одном из которых и содержится значимый символ:

На синем небе

Попробуй-ка разгляди

Синюю звезду [Акунин, 2011, с. 585].

Прецедентные феномены позволяют четко маркировать координаты художественного мира как принадлежащие конкретной лингвокультуре, что в немалой степени отражает уровень общей и профессиональной культуры самого автора. Подчеркнем в этой связи известный факт переводческой деятельности Б. Акунина с английского и японского языков, а также работу в должности заместителя главного редактора журнала «Иностранная литература» (1994 – 2000). Б. Акунин также является главным редактором 20-томной «Антологии японской литературы».

Отметим, что Б. Акунин постоянно отсылает своего читателя к прецедентным текстам русской лингвокультуры, тем самым активизируя процесс интертекстуальности. Так, в романе «Алмазная колесница» один из персонажей, Доронин, в диалоге об О-Юми с Фандориным упоминает устойчивое сочетание «зелен виноград», недвусмысленно отсылающий читателя к басне И.А. Крылова «Лиса и виноград»: «Во-первых, такая женщина никому принадлежать не может. Это ей все принадлежит. В во-вторых, мой молодой друг, женщины от любви не грязнятся, а лишь обретают сияние. Впрочем, ваше фырканье следует отнести к жанру “зелен виноград”» [Акунин, 2011, с. 261].

Важным маркером интертекстуальности становятся также прецедентные имена, причем чаще они строятся на интертекстуальных связях текстов романов Б. Акунина с литературной и общекультурной

традицией предшествующих эпох. Например, героиню романа «Весь мир – театр» зовут Элиза. Это её сценический псевдоним, что, несомненно, устанавливает в рецептивно-интерпретативном процессе ассоциативные связи с пьесой Бернарда Шоу «Пигмалион», где героиню зовут Элиза Дулиттл. Естественно, читательские компетенции должны способствовать и установлению исходного текста – древнегреческого мифа о скульпторе Пигмалионе, который способен структурировать новое семантическое пространство: Пигмалион (др/греч.) – Пигмалион-Хиггинс (Б. Шоу) – Фандорин как создатель нового образа актрисы, её нового амплуа в случае с постановкой пьесы, стилизованной под традиционную японскую, а также возрождение Элизы, её переход к новому жизненному этапу посредством устранения угрозы для её жизни.

В тексте романа «Алмазная колесница» нами встречен случай авторской игры с собственным псевдонимом, который благодаря его широкой известности имеет прецедентный характер. Так, Б. Акунин в конце одной из глав приводит хокку:

У акунина

Хриплый хохот, нож в зубах,

Шальные глаза [Акунин, 2011, с. 706], которое раскрывает первоначальный смысл выделенного курсивом слова: *акунин* (яп. 悪人) переводится с японского как злодей, негодяй исполинских масштабов, исключительная личность, стоящая на стороне зла. Другими словами, такое истолкование псевдонима в какой-то степени соотносит его с пониманием отрицательного романтического героя, наиболее яркой реализацией которого является, например, лермонтовский Демон. В целом прецедентные онимы демонстрируют тенденцию к манифестированию эффекта обманутого ожидания через актуализацию прецедентной ситуации. Прецедентные имена эксплицитны, однако их когнитивный потенциал раскрывается постепенно, «послойно», отражая, в сущности, компетенции реципиента детективного текста, а их эмоциональная насыщенность, сопряженная со значимостью для коллективной языковой личности, позволяет наиболее полно реализовать функции персонажей.

Безусловно, реализация текстовой композиции свидетельствует обычно о манифестировании прецедентного жанра, что позволяет авторам постмодернистских детективов актуализировать концепты текстов, осуществляя стилизацию / пародирование, а также удерживать внимание читателя на конкретном сюжетном действии. Прецедентные феномены как маркеры интертекстуальности оказываются принципиально важными для осуществления полифункциональности постмодернистского детективного текста. Множественность интерпретаций, которая закономерно характерна для постмодерна, в детективных текстах как базирующихся на прецедентных жанрах позволяют продуцировать авторскую игру со смыслами, создают комический эффект со- и противопоставления текстовых концептов, зачастую позволяя эффективно осуществлять визуализацию художественных образов, персонажей и сюжетных ситуаций.

Литература

- Акунин Б. Алмазная колесница: роман в 2 т. М.: Захаров, 2011.
- Акунин Б. Весь мир театр. М.: Захаров, 2010.
- Борев Ю. Эстетика. М.: Высшая школа, 2002.
- Гришаева Л.В. Прецедентный текст как универсальное средство передачи и хранения культурной информации // Политическая лингвистика. 2008. № 1 (24).
- Завьялова Г.А. Прецедентный текст как средство пародирования детективного дискурса // Вестн. Кемеровского гос. ун-та. 2013. № 1 (53).
- Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987.
- Красных В.В. Структура коммуникации в свете лингвокогнитивного подхода (коммуникативный акт, дискурс, текст): автореф. дис.... д-ра филол. наук: 10.02.19. М., 1999.
- Можейко М.А. «Философия детектива»: классика – неклассика – постнеклассика. URL: <http://topos.ehu.lt/zine/2007/1/mozhejko.pdf> (дата обращения 13.07.2015).
- Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности: пер. с фр. / общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М.: ЛКИ, 2008.
- Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М.: Academia, 2000.
- Топоров В.Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М.: Наука, 1983.

References

- Akunin B. Almaznaya kolesnitsa: roman v 2-kh tomakh. M.: Zakharov, 2011.
- Akunin B. Ves' mir teatr. M.: Zakharov, 2010.
- Borev Yu. Estetika. M.: Vysshaya shkola, 2002.
- Grishaeva L.V. Pretsedentnyi tekst kak universal'noe sredstvo peredachi i khraneniya kul'turnoi informatsii // Politicheskaya lingvistika. 2008. № 1 (24).
- Zav'yalova G.A. Pretsedentnyi tekst kak sredstvo parodirovaniya detektivnogo diskursa // Vestn. Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2013. № 1 (53).
- Karaulov Yu.N. Russkii yazyk i yazykovaya lichnost'. M.: Nauka, 1987.
- Krasnykh V.V. Struktura kommunikatsii v svete lingvokognitivnogo podkhoda (kommunikativnyi akt, diskurs, tekst): avtoref. dis.... d-ra filol. nauk: 10.02.19. M., 1999.
- Mozheiko M.A. «Filosofiya detektiva»: klassika – neklassika – postneklassika. URL: <http://topos.ehu.lt/zine/2007/1/mozhejko.pdf> (data obrashcheniya 13.07.2015).
- P'ege-Gro N. Vvedenie v teoriyu intertekstual'nosti: [per. s fr.] / obshch. red. i vstup. st. G. K. Kosikova. M.: LKI, 2008.
- Slyshkin G.G. Ot teksta k simvolu: lingvokul'turnye kontsepty pretsedentnykh tekstov v soznanii i diskurse. M.: Academia, 2000.
- Toporov V.N. Prostranstvo i tekst // Tekst: semantika i struktura. M.: Nauka, 1983.

Tuova R.H. (Adygea State University, Maykop, Russian Federation)
Detective text of post-modernism: precedential phenomena as linguacultural markers of intertextuality

Detective postmodern text is characterized by active functioning of gaming modality, which is partly responsible for its inclusion in the semantic space of precedent phenomena. Precedential phenomena mark elements of linguaculture and intertextuality as one of the important features of the postmodern age. Dual transformation, which is subjected to precedent phenomena determines ultimately receptive-interpretive activity of the reader: producing text simulates certain perception through the signs of the text of the addresser and the recipient creates a new text according to their own ideas about the text-addresser and the author's vision. Polyfunctionality of postmodern text is determined by the presence in it of precedent phenomena and polyvariety of interpretations of detective texts due to the interaction with the case genre that is reflected in the author's game with meanings. Game modality focused on comic effect by binding the text and contrasting concepts, which helps the recipient to render artistic images, characters and plot situations, strengthening the vitality of precedent phenomena. In detective novels by Boris Akunin texts and precedent names are widely used, provoking the reader to intellectual activity and, thus, involving in the interpretation of the text of its common cultural postmodern experience.

Key words: *precedential phenomena, post-modern text, detective text, intertextuality, linguacultural marker.*

Tuova Ruzana Hamedovna – expert of scientific research and innovative programs department. Adygea State University. Ph.: 8-918-922-20-73; e-mail: rose_tuova@mail.ru